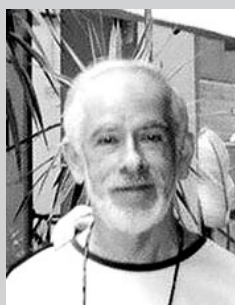

И. М. Модель

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ ИЗРАИЛЬСКИХ СМИ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ МОЛОДОГО ИЗРАИЛЬЯНИНА)

**Модель
Исак Моисеевич**

доктор политических наук,
профессор, Израиль

Введение

Мне думается, что эти субъективные заметки будут интересны и российскому читателю, ибо в них поднимается проблема, имеющая интернациональный характер. Я бы ее назвал проблемой взаимодействия в системе «политическая социология – СМИ – электорат». Вообще для демократии ее существование не ново. Особенно обостряется эта проблема в периоды бурных политических событий, к коим, с полным на то правом, можно причислить периоды предвыборных кампаний.

Однако проявление ее в различных странах имеет свои особенности, вытекающие из специфики их общей и политической культуры, политической психологии, а также культуры и традиций сообщества СМИ. В последнее десятилетие к названным выше факторам добавился фактор массовой интернетизации.

Предлагаемая российскому читателю статья состоит из двух частей. В первой рассматриваются особенности отражения израильскими СМИ национальной политической жизни. Во второй я счел необходимым акцентировать внимание читателей на непоследовательности израильского общественного мнения в его отношении к политической социологии и результатам ее исследований общественного мнения.

Часть первая

Уже долгое время я наблюдаю процесс систематической профанации и даже дискредитации политической науки во всех отечественных СМИ. Эта тенденция характерна и для телевидения, и для прессы, и для радио, и для Интернет-порталов, сайтов и изданий. Заранее знаю, что мое беспокойство этим разделяют не очень многие. Тем не менее, в ходе дальнейшего изложения я попытаюсь не только раскрыть причины своего беспокойства, но и указать на те последствия, к которым это явление приводит, и тем самым убедить в своей правоте моих читателей.

Сразу замечу, что я никоим образом не считаю, что столь пренебрежительное отношение к политической науке есть отражение некоего злого умысла. Я даже могу допустить и допускаю мысль о том, что его следует рассматривать как дихотомическое, имеющее и положительные, и отрицательные последствия. Вопрос только в их соотношении.

Но вот к чему я склоняюсь со всей определенностью, так это к тому, что для подобного явления у нас есть чрезвычайно благодатная историческая и социокультурная почва. При

этом я напому, что израильская политическая культура лишь с большой натяжкой может быть отнесена к числу демократических политических культур, имеющих солидную, богатую историю.

То, что наша политическая культура складывалась и функционирует сегодня как подражательная, привнесло в нее не только позитивные элементы, но и не в меньшей степени «обогастило» ее инструментально-поведенческий арсенал элементами дешевого популизма, анархизма, непрофессионализма, скандальности и прочими не критически воспринятыми «достижениями» политической культуры старых демократий, но уже давно ими пережитыми. На нашей политической культуре самым непосредственным образом сказывается ее собственная предыстория, своеобразие ментальности нашего народа и его политиков, ... о чем я уже имел возможность писать. Это дает мне основание отнести политическую культуру Израиля к разряду становящихся политических культур. Думаю, что теперь становится более очевидным, что являющаяся ее прямым порождением отечественная политическая журналистика, в самом широком смысле этого термина, не может не отражать ее фундаментальные особенности и трудности становления.

Израильская политическая жизнь только по наивности может быть названа нормальной жизнью. Не зря в одной из своих статей я классифицировал этот феномен как классический политический рынок. А на рынке, как известно, встречаются не только порядочные продавцы и покупатели, но и проходимцы, обманщики и зазывалы, святые и юродивые, и прочая ищущая своей выгоды публика. Но скажите мне, разве может быть иным отражение этого многообразия в зеркале рынка? Отвечу сам – не может! В равной степени это характерно не только для ивритоязычной, но и для русскоязычной политической журналистики, работающей на ниве более чем полуторамиллионной аудитории.

Однако есть еще одна причина социального порядка, заставившая меня писать эти строки. Речь идет о проблеме, широко обсуждаемой израильским обществом – проблеме непрофессионализма журналистов, работающих в сфере политической журналистики. У этого явления есть две основные причины существования. Одна заключается в том, что в наших университетах нет подготовки специалистов по специальности политическая журналистика. Имеющая место подготовка политологов в израильских университетах никоим образом не закрывает общественную потребность в специалистах, способных не только к теоретико-преподавательской работе, но и склонных к столь необходимому нашему обществу изложению научно обоснованных взглядов на нашу мозаичную политическую действительность. Такое сочетание качеств – вообще редкость. Да и чаще всего выпускники-политологи вынуждены устраиваться на работу не по специальности, благо израильский рынок труда предоставляет для этого все возможности. Это, во-первых, А во-вторых, и это происходит чаще всего – изучение политологии завершается получением лишь степени бакалавра, что никак не

способствует дальнейшему прогрессу этой науки в Израиле, превращая ее в сугубо прикладного и приземленного толкователя сиюминутных пертурбаций политической жизни.

И перебивается наше общество, чем Бог послал. Тут уж не до выбора. Вот и соблазняются называться весьма романтичным статусом политолога неустойчивые души, не обретшие себя по разным причинам на рынке труда и по наивности (впрочем, вряд ли только по наивности...) считающие, что политология и политологическое мышление – это тот же здравый смысл и обывденное мышление.

Поэтому нетрудно понять, почему в нашей стране в политологах, ничтоже сумняшеся, себя числят все, кому не лень. Это выгодно, потому что открывает им доступ к читателям и слушателям. Статус политолога не просто греет сердце. Он придает их носителям некую исключительность и придает их суждениям, зачастую поверхностным и банальным, весомость, так ценимую многими редакторами. Политологом сегодня быть очень модно. Ты можешь быть инженером, юристом, юмористом, военным, школьным учителем, музыкантом, вузовским преподавателем математики, полиграфистом... да кем угодно.... Но если ты более или менее владеешь пером, способен более или менее внятно излагать свои мысли и обуреваем жадной толковать израильскую политическую действительность, путь тебе открыт. Да, чуть не забыл. И если у тебя еще есть связи, то полный порядок. Каналы СМИ для тебя открыты.

Я думаю, что читатель уже понял ход моей мысли. А хочу я здесь сказать о том, что в израильское общественное мнение зачастую, но весьма настойчиво и успешно, внедряется ложное представление о том, что политология – это не научная дисциплина, а вид профессионального занятия. При этом лукаво забывается, что политологии учат пять полных лет, что политолог – это, в конце концов, вид профессионального призвания! Чтобы стать политологом, одного профессионального образования мало. Политолог, помимо этого, должен обладать специфическим политологическим воображением и стилем мышления, которые вырабатываются упорным и постоянным постобразованием. И политическая журналистика в этом смысле не исключение.

Современная политология, да простят меня просвещенные читатели, это достаточно строгая научная дисциплина, имеющая длительную историю, собственный категориальный и понятийный аппарат и соответствующую структуру. Она органическим образом связана с правовой наукой. Она включает в себя знания и методы исследования политической психологии, а также такие современные направления исследования политической жизни, как политическую историю и сравнительную политологию. Почти уже полвека развивается математическая политология, привносящая в нее элементы строгости и логической выводимости, так милые сердцам закоренелых технократов.

Но мы, израильяне, и здесь пошли другим путем. Непрофессионализм, ставший своего рода национальным бедствием, и здесь пробил себе дорогу, хотя кого ни спроси, все возмущены его засильем в нашем обществе. Но, чур, не я... Я вижу, я понимаю, я знаю, как надо! Эта психологическая особенность вообще характерна для израильского общества, а уж для такой сферы, как политический дискурс, тем более. У нас даже изобретен, хотя, честно говоря, позаимствован звучный термин «политическая аналитика», апологеты которого зачастую не только мастерски перемалывают и

перекладывают косточки скелетов политических событий и фактов, но зачастую выступают в облике политических оракулов, предсказывая возможные повороты в политической жизни. Бедные представители электората только вздрагивают, читая эти сценарии, полные (да простят меня читатели) еврейской логики, отличающейся, по мнению некоторых отечественных авторов, от строгой общечеловеческой диалектической логики тем, что каждое истинное высказывание в ней сопровождается еще и сомнением в его истинности. О, какое поле для такой политологии тем самым открывается...!

Попробуйте уличить такого, гордо именующего себя политологом, или бери еще выше – политическим обозревателем оракула в недостоверности или в несбыточности его политического прогноза. Не получится! Он в ответ глубокомысленно сошлется на то, что в Израиле никто, в том числе и он, не знает, что случится через несколько дней! Но в этом-то все дело! Настоящий политолог никогда не будет бегать за жареными фактами: кто, что из политиков сказал, кто куда пошел, кто с кем не поздоровался или косо посмотрел, кто кого поцеловал, а кто кого, извините, просто обругал на нелитературном иврите... Тут уж не до выявления закономерностей – дай Бог успеть проследить, кто, что.... У ученых есть такая шутка: «Если факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов». Однако большинство критикуемых здесь политологов, судя по всему, думают и поступают наоборот.

Поэтому освещение политической жизни Израйля, как правило, и в публикациях, и в выдержанных в едином стиле интервью и ток-шоу с многочисленными эрзац-политологами строится по единой логике, чаще всего лишенной научно-рациональных оценок тенденций политического процесса в нашей стране. Откуда при таком пренебре-жительной трактовке политологии взяться новым идеям, новому взгляду на старое и хорошо забытое? Увы, это прерогатива политологии, но не в ее профанированном виде, а как науки, способной дать приращение теоретического знания и методологической основы мышления журналиста, пишущего и говорящего на политические темы, обогатить его здравый смысл.

Видимо, многим стоит задуматься над тем, что израильский политический корпус, как об этом часто говорят некоторые из авторов и представителей читающей и думающей общественности, практически не обращает внимания на публикации и выступления такого рода аналитиков. Да, собственно говоря, зачем им читать то, что они и так достоверно, чаще всего непосредственно знают? Вот и тшятся понравиться наши горе-полит-журналисты, если уж не политикам, то просто читателям, прибегая ко всем возможным украшениям стиля, к использованию всяких «жареных» фактов и фактиков из политической жизни, к юмору и иронии, а то и просто к нелцеприятным и даже хамским оценкам и высказываниям в адреса власть предержащих.

И невдомек таким авторам, что сия метода может лишь добавить живости их текстам и восторженности от их созерцания у читателей, но такие тексты едва ли способны оставить сколько-нибудь заметный след в политической жизни общества, серьезно повлиять на его политическую культуру. Такой стиль мышления очень точно был назван выдающимся американским социологом Чарльзом Миллсом «либеральным практицизмом». Остается только, согласившись с этим, добавить, что и либерализм, и практицизм наших СМИ в освещении политических проблем

достигли «выдающихся успехов».

Таким образом, становится понятной еще одна из причин, объясняющих столь низкий авторитет СМИ в глазах политиков. И так длится из поколения в поколение. Израильская политическая наука (о, как бы хотелось в ее наличие верить!) не только не обрела авторитета, позволяющего ей влиять на мировоззрение и дела политиков, но и с удивительной настойчивостью, достойной лучшего применения, разрушает свой авторитет в глазах общественного мнения.

Но самое странное, что читатели читают, телезрители смотрят, радиослушатели, посетители многочисленных Интернет-сайтов слушают переполненных собственным достоинством толкователей нашей политической круговерти. Хотя к их, читателей, чести надо сказать, они далеко не всегда делают это по велению сердца, а просто потому, что другого не дано. И с этой точки зрения, только лишь как положительный факт можно рассматривать имеющуюся практически во всех израильских Интернет - сайтах возможность обратной связи между нашими так называемыми политологами и читателями. Конечно, критика, звучащая в комментариях читателей, и сама может хромать и предвзятостью, и простым непониманием, а то и просто огульным отрицанием того, что есть в публикациях. Но, в общем и целом, хочется думать, что авторы не просто читают критические комментарии к своим публикациям, но и делают должные выводы. Школа злословия комментаторов здесь все же работает по назначению. Хотя сетевым авторам, пишущим на политические темы, вполне можно бросить упрек в недостаточном внимании к живой связи с посетителями сайтов. Понять их можно - нет времени, отвлекает от дела, в некоторых случаях срывает и авторское высокомерие и т. д. и т. п. Но на то ведь и демократия...

Я понимаю, что мои заметки полемичны и субъективны. Может быть, кому-то они покажутся стремлением все обмазать черной краской, может быть, кто-то из авторов воспримет эти заметки как выпад против них лично. Предугадывая возможность такой реакции, я преднамеренно не называл ни одной фамилии, не ссылаясь ни на один орган СМИ, хотя вполне мог это сделать. Но таким образом я бы сам впал в тот грех (кто, чего и как...), который я критиковал. И как говорят в таких случаях романисты, я отвечаю за свои слова, но я не отвечаю за то, что кто-то мог узнать себя в стоящих за ними образами.

Часть вторая

А сейчас мне бы хотелось порассуждать об еще одном парадоксальном феномене израильской политической жизни - широко бытующем умалении и даже отрицании роли, которую играет в ней политическая социология. Однако проводить параллели с положением и ролью политологии было бы натяжкой.

Несмотря на неразрывную общность судеб этих дисциплин, реальное соприкосновение с политической жизнью общества и степень их влияния на нее отождествлять нельзя. Это происходит не только в силу разницы их истории (если история политической философии ведет свое начало с Платона, история существования теоретической политологии приближается к веку, то политическая социология сформировалась в сороковых годах прошлого столетия). И в этом одна из причин разной степени их укорененности в общественном сознании.

Если социология, политическая философия и политическая теория, наряду с философией и историей, играют ключевую

роль в современной гуманитарной интеллектуальной культуре и занимают центральное место среди социальных наук, то политическая социология лишь на пути к обретению подобного статуса. Пожалуй, в наибольшей степени она продвинулась в этом направлении лишь в таких странах, как США, Англия и Франция.

Для общественного мнения названных, да и ряда других стран результаты социологических исследований политической жизни уже давно стали обыденным и необходимым явлением, без которого немислима цивилизованная жизнь

Однако то, что политическая социология во многих случаях использует методы и инструменты одной из своих альма-матер - социологии, играет с ней злую шутку. Шутят с ней по-разному. И в зависимости от того, о каком ее продукте идет речь.

Особенно достается политической социологии тогда, когда она касается проблем, казалось бы, вполне доступных пониманию на уровне здравого смысла. Прежде всего, в поле пристального общественного внимания попадают итоги исследования политической деятельности правительств, государственных и политических институтов, электоральные предпочтения, рейтинги политиков, отношение населения к власти и т. п. Тут уж и политики, и общественное мнение дают волю своим чувствам и амбициям!

Вот, на мой взгляд, исчерпывающая выборка из перечня обвинений и претензий в адрес социологов. Я говорю для краткости - социологов, но подразумеваю политических социологов.

Так как политическая социология опирается на две дисциплины, то и претензии к ней могут быть разделены на два класса.

Первый составляют претензии, проистекающие из ее принадлежности к политической науке, и на нее не огульно распространяется всеобщая убежденность в аморальности политики.

- Социологи - продажные люди. Они готовы продать результаты конфиденциального исследования противникам тех политических структур или личностей, которые заказали им исследование.

- Социологи всегда готовы получить или сфальсифицировать результаты исследования в угоду заказчика.

- Социологи не могут находиться вне политики. И в исследованиях на политические темы отражается их политическое мировоззрение. Такого быть не должно.

- Социологи склонны навязывать людям свое видение политических явлений

- Люди склонны лгать, а уж в ходе опросов на политические проблемы лгут всегда, а социологи не умеют отличать искренние ответы от лживых.

- Людям часто предъявляется требование отвечать на политические вопросы, которыми они сами не задавались.

- Человек очень часто сегодня не знает, что будет делать завтра, тем более в ходе выборов. Сегодня человеку нравится один политик, одна партия, а завтра - другая. Поэтому верить выводам политических социологов нельзя.

- Дело социологов - исследовать и предъявлять общественному мнению итоги исследований, дело политиков - не обращая внимания на их выводы, делать дело.

А теперь оценочные высказывания, которые следуют из социологических корней рассматриваемой дисциплины.

– Социологи за деньги могут взяться за исследование проблемы, в которой они некомпетентны.

– Социологи боятся представить на суд общественности истинные результаты своего исследования.

– Они спрашивают без разбора всех, кто попадает под руку.

– Социолог – это накопитель статистических данных о человеческом поведении, который, по существу, является рабом компьютера. Он ходит с опросником, опрашивает людей, потом загоняет данные в машину. Что уж получилось на выходе, то и получилось...

– Социологи задают не те вопросы, которые бы нужно задавать в том или ином конкретном случае.

– Они не умеют формулировать вопросы и поэтому задают такие, которые невозможно понять и правильно на них ответить.

– Социологи, в массе своей, не умеют анализировать результаты своих исследований.

– Социологом может быть любой образованный, не лишенный здравого смысла человек.

Тут я заранее попрошу прощения у тех читателей, кто сочтет приведенный перечень «пустым многословием». Но мне думается, что он будет интересен и для граждан, склонных как доверять политической социологии, так и ее ниспровергателей.

Дотошным читателям сообщу, что словарь я составил как на основе собственных наблюдений, изучения научных социологических публикаций, так и на основе анализа высказываний в газетных публикациях, и на ряде израильских информационных сайтов по поводу социологических исследований и социологов. Так что пользуйтесь на здоровье!

Может быть, кто-то увидит в приведенном перечне этого стихийного проявления массового сознания некие критерии, по наличию которых в выступлениях и комментариях можно с достаточной степенью достоверности диагностировать демагога от политики. Это с одной стороны.

А с другой – этот словарь со всей очевидностью свидетельствует, что в массовом сознании различных обществ наличествует некий негативный образ как социологии и социологов вообще, так и политических социологов. Почему? Попробую объяснить.

Самое любопытное, что этот социально-культурный и психологический феномен имеет глобальный, интернациональный характер. Он имеет место в массовом сознании и граждан развитых демократических стран – США, Англия, Франция, Нидерланды и т.д., и жителей стран СНГ, и жителей ЮАР или Нигерии и т.д. В принципе, это нормальная реакция человеческой психики на способность политической социологии заглядывать в политическую действительность гораздо глубже, чем это может здравый смысл.

Мы привыкли думать, что знаем и о себе, и об обществе, в котором живем, достаточно много. В норме каждый человек уверен, что хорошо понимает причины своих поступков, почему действует так, а не иначе. Назовите мне человека, который и шагу не может ступить без подсказки социолога! Может быть, кто-нибудь и назовет, но это будет скорее исключением из правила. Если это правило справедливо в отношении социальной жизни, то уж в отношении политики оно верно без всяких исключений.

Человек, привыкший опираться на собственное видение и понимание политической жизни, на мнение и оценки своего ближайшего окружения, не понимающий всей сложности и трудностей, сопровождающих социологов на пути к познанию истинных и скрытых от непрофессионального взгляда мотивов и пружин поведения политиков, может, и нередко впадает в огульное недоверие и отрицание результатов их деятельности. И даже более того.

Столкновение глубокой и искренней уверенности в собственной правоте (этого, в общем-то, естественного и нормального человеческого качества), в случае встречи его с принадлежащим профессиональному исследователю политики мнением, может вызвать и нередко вызывает у людей не только неприятие взглядов и оценок последних, но и весьма часто раздражение и даже стрессовые состояния.

Мне скажут, ну и накрутил автор! Но поверьте, во всем этом нет ни грана вымысла.

Выше я сознательно не назвал Израиль. Израильское общественное мнение вообще, а уж по его отношению к политике – это особое культурное, интеллектуальное и психологическое явление. В обществе, где каждый мнит себя политиком, иному быть не дано. И это не может не сказываться на том, как оно воспринимает результаты изысканий наших отечественных социологических институтов в области политики.

А их, только так называемых – ведущих, проводящих национальные социологические опросы в области политики – по некоторым оценкам, не меньше 6-7. Для страны в семь миллионов населения этого вполне достаточно. В общем-то, я отношусь к их деятельности с уважением. Знаю, какой это нелегкий хлеб, как непросто он достается. Я не преувеличиваю. Поэтому и относиться к этому трудному во всех смыслах занятию надо с пониманием и уважительно.

Но, к великому сожалению, и я даже бы сказал, к огорчению, близкое знакомство с результатами их исследований, попадающими в СМИ, часто обнаруживает такие элементарные профессиональные ошибки, что поневоле поймешь недовольство некоторых внимательных читателей. Я бы мог привести и проанализировать наиболее типичные из них, но это уже предмет для специального разговора.

Однако поле, где формируется отношение израильтян к политической социологии, намного шире. Это вообще-то мировая закономерность, но то, что происходит у нас...

У нас, с нашей благосклонностью к непрофессионализму, политической социологией (как и политической журналистикой) занимаются все, кому не лень. Занимаются газеты, телеканалы, Интернет-порталы... Иногда они заказывают исследования профессиональным социологическим центрам, но чаще всего осуществляют их сами. При этом журналистами изобретена лукавая формула для оправдания своих социологических экзерсисов. Одни СМИ, ничтоже сумняшеся, объявляют их социологическими опросами, другие – журналистским зондажем общественного мнения по тому или иному политическому явлению. Одни иногда, судя по качеству вопросов, привлекают социологов, другие обходятся своими силами. Так и дешевле, да и самолюбию приятнее. Казалось бы, что в этом плохого? Просвещают народ и, видимо, даже политиков! Честь им и хвала! Что тут скажешь? Доля истины в этом утверждении есть. Но это, как посмотреть!

Вот мы и посмотрим с другой стороны. И станут нам видны

прорехи на этом стремлении к просвещению нации. Потребители СМИ-информации могут, как говорится, не отходя от телевизора, компьютера и пр., «легко убедиться», какое простое дело эта политическая социология. Если ей можно заниматься на уровне здравого смысла, то он, этот здравый смысл, может с такой же легкостью раскритиковать ее в пух и прах. Что он, как свидетельствует действительность, зачастую и делает.

Но дело-то в том, что в указанных случаях он имеет дело не с политической социологией как наукой, а всего-навсего с одним из ее методических приемов – опросами общественного мнения. Разница между ними примерно такая же, как между школьной органической и современной лекарственной химией. Происходит подмена понятий. И далеко не всегда безобидная. Плохо продуманные, лишенные теоретического стержня, а то и просто логики, опросы, осуществляемые иногда под стыдливым, но пафосным грифом «он-лайн голосования», иногда под грифом «журналистский опрос», иногда под скромным названием «получения общественного мнения», эти эрзац-методы воспринимаются неискушенным населением как «та самая настоящая социология».

Изошренные журналисты выдали сами себе, как им по наивности кажется, некую убедительную индульгенцию, снимающую с них грех непрофессионализма: «наш опрос не выборочный, и мы не претендуем на статистически достоверные результаты». Так что же они тогда делают на самом деле? Ответу. Дезориентируют общественное мнение!!! Я не боюсь столь

жесткой оценки. Зачем? А затем, чтобы, пользуясь авторитетом науки, повышать свой читательско-зрительский рейтинг и зарплату. Ради этого, на что не пойдешь!

Зато потом, когда к зрителю, читателю, слушателю, к политикам выходят со своими результатами ответственные социологи-профессионалы, они встречаются просто в штыки. Политики, не моргнув, глубокомысленно изрекают мысли о том, что в нашей стране, с ее калейдоскопичной и динамичной политической жизнью, обращать внимание на какие-то там результаты опросов общественного мнения – это моветон.

Обыватель, да и не только он, а даже многие образованные, но не сведущие в социологии люди, в ответ на их те или иные утверждения говорят примерно следующее: «Они (социологи) утверждают, что ..., А вот моя жена, муж, отец, мать, брат, сестра, знакомые, друзья, сослуживцы – думают иначе. Ведь они умные люди, знают, что говорят! Правы он (они), а не социологи!»

И невдомек им, что мир общения обычного человека значим прежде всего лишь для него самого, и мнение, сформировавшееся в этом ближайшем круге, не имеет ровно никакого статистического значения. Оно, как говорят – не репрезентативно. Эта аксиома, несмотря на ее очевидность, почему-то упорно дискриминируется здравым смыслом. И чем этот здравый смысл банальнее, тем упорнее он сопротивляется научному взгляду на политическую действительность. Так проще жить. Так и живем. Зачем в зеркало глядеть?

А. Д. Трахтенберг

ИНТЕРНЕТ И АНТИ-КАПИТАЛИЗМ: ТЕХНОЛОГИЯ ПРОТИВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО РАЗУМА

Трахтенберг
Анна Давидовна

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

В недавней работе «Сопротивление – это сдача», Славой Жижек, обсуждая кризис постмодернистской левой мысли, обратил внимание на ее симбиотические отношения с тем самым глобальным капитализмом и его политическим выражением – либеральным государством, которое она так резко критикует: левые «действуют как супер-эго, с комфортом бомбардируя государство все новыми и новыми требованиями; и чем сильнее государство старается удовлетворить эти требования, тем большая вина на него возлагается»¹. Именно поэтому главным объектом критики левых являются не откровенные диктатуры, но либеральные демократии, которые постоянно обвиняются в лицемерии. Эта позиция «супер-эго» основана на представлении о необходимости вытеснения глобального капитализма с его торжеством рынка и холодными и бездушными отношениями господства и подчинения «обществом равных»,

при болезненном осознании полной невозможности такого вытеснения в условиях, когда сам глобальный капитализм является порождением инструментального разума.

Парадокс состоит в том, что резкая критика инструментального разума сочетается в левых кругах с надеждами на создания сообщества равных путем использования новейших порождений такого разума. Характерно, что такого рода ожидания сопровождали внедрение всех новых средств коммуникации с середины XIX века, когда появился электрический телеграф, который Дж. Цитром не без оснований назвал «исторической синекдохой для всех последующих электронных медиа»². Уже в 1838 году, пытаясь убедить конгресс выделить средства на свою работу, С.Морзе сформулировал классическую метафору «электронного соседского сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая МакЛюэна, Тоффлера и Кастельса: «настанет пора, когда вся поверхность этой страны будет покрыта нервами, которые будут, со скоростью мысли распространять известия о том, что случилось по всей стране; все жители на деле будут превращены в соседей»³.

Данная риторика оказалась необычайно устойчивой, чем еще раз подчеркивается ее для базовый современной культуры характер. Она с неизбежностью сопровождала всякое новое изобретение в сфере электронных средств коммуникации. Естественно, по мере того, как эти средства усваивались